Чернега В.Н.¹, 2020

Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры французского ядерного арсенала, особенности французской доктрины ядерного сдерживания, а также подходы руководителей страны, экспертов и общественных движений к проблемам нераспространения и запрещения ЯО. Отмечается, что все президенты Пятой республики считали обладание таким оружием важнейшим фактором обеспечения безопасности, международного влияния и престижа Франции и уделяли большое внимание своевременной модернизации ядерного арсенала. Они изображали его как «средство защиты слабого от сильного», как инструмент для сдерживания потенциального агрессора от нападения. В реальности же основой французской доктрины ядерного сдерживания является критерий защиты «жизненных интересов» Франции, трактуемых чрезвычайно широко, вплоть до гарантированного выполнения ею международных обязательств. Важнейшими элементами указанной доктрины являются также исключительная национальная компетенция в применении ядерных сил, а также «техническая самодостаточность» в производстве и модернизации этого вида ОМУ.

Эти аспекты политики Франции в сфере стратегических вооружений остаются неизменными, однако ее подход к политике нерас-

¹ Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (vladimir.tchernega@free.fr).

пространения ядерного оружия с 1950-х годов претерпел радикальные изменения. Из страны, фактически содействовавшей продвижению ряда государств к созданию такого оружия, Франция превратилась в жесткого сторонника режима нераспространения. Во французской дипломатии сложилось даже отдельное направление, специализирующееся на указанной проблематике. Хотя в настоящее время Пятая республика лишь теоретически допускает возможность ядерного разоружения, тем не менее во Франции существует весьма активное общественно-политическое движение в его поддержку. В статье освещается дискуссия между сторонниками и противниками ядерного разоружения.

Ключевые слова: Франция, ядерный арсенал, доктрина сдерживания, исключительная национальная компетенция, нераспространение ядерного оружия, ядерное разоружение.

Французский ядерный арсенал и доктрина сдерживания

Сразу по окончании Второй мировой войны одной из главных целей французского государства стало создание собственного ракетно-ядерного потенциала. Генерал Ш. де Голль, возглавивший Временное правительство Франции в 1944 г., узнал о разработках атомной бомбы, ведущихся в США в рамках проекта «Манхеттен», в июле 1944 г. Информацию предоставили французские ученые-атомщики из «школы» Ф. Жолио-Кюри, которые в 1940 г. переехали в Великобританию, чтобы избежать немецкой оккупации [Jurgensen, Mongin, 2018, p. 91]. Стоит отметить, что до Второй мировой войны Франция занимала одно из ведущих мест в области исследований атомного ядра, а при изготовлении первой атомной бомбы Соединенные Штаты использовали французский обогащенный уран, переправленный в США в 1940 г. Как отмечают французские историки, Ш. де Голль увидел в обладании оружием массового уничтожения одновременно гарантию предотвращения вторжения на территорию страны в случае новой войны и инструмент осуществления политики «величия Франции», которой он был привержен. В октябре 1945 г. указом Ш. де Голля был создан Комиссариат по атомной энергии (КАЭ), который и поныне отвечает за разработку и производство французского ядерного оружия. Это был своевременный шаг, поскольку в 1946 г. США отка-

зались делиться атомными секретами с другими государствами. Сам Ш. де Голль в начале 1946 г. был вынужден уйти в отставку, но назначенные им руководители КАЭ быстро превратили эту организацию в мощную структуру.

В компетенцию КАЭ (современное полное название – Комиссариат по атомной энергии и альтернативным видам энергии) входит и «мирный атом». К началу 2010-х годов французские АЭС располагали 58 реакторами, которые обеспечивали более 70% производимой в стране электроэнергии, что является самым высоким показателем в мире [Jurgensen, Mongin, 2018, p. 4]. Но долгое время главной задачей КАЭ все же являлось создание ядерного оружия. Ш. де Голль после своего возвращения к власти в 1958 г. выделил для достижения этой цели огромные ресурсы. Как известно, Франция осуществила первый взрыв ядерного заряда в 1960 г. в Сахаре, а термоядерного заряда – в 1968 г. на атолле Фангатауфа. Одновременно Франция развивала стратегическую «триаду» носителей ядерных и термоядерных зарядов: БРПЛ на атомных подводных лодках; стратегическая авиация (самолеты «Mirage» различных модификаций); ракеты шахтного базирования «S-2» и «S-3» (на плато «Альбион»). Также было создано тактическое (достратегическое) ядерное оружие, в частности – ракеты «Pluton» (впоследствии замененные на ракеты «Hadès») на мобильных пусковых установках, а также авиационные бомбы.

В дальнейшем, однако, из-за недостатка финансовых средств Франция вывела из своего арсенала ракеты шахтного базирования (последние установки были демонтированы в 1982 г.), а затем и тактическое ядерное оружие (к 1996 г.). В последнем случае главную роль сыграло давление со стороны ФРГ, которая после воссоединения с ГДР в 1990 г. оказалась в зоне поражения ракет «Hadès» (максимальная дальность стрельбы – 480 км) [Baille, 2019, p. 76].

В настоящее время французский ядерный арсенал представляет собой стратегическую «диадду» из морской и военно-воздушной компонент. Морская компонента представлена четырьмя атомными подводными лодками второго поколения типа «Триумф», функционирующими по принципу ротации. Три АПЛ осуществляют боевое дежурство, четвертая находится на ремонте и

профилактике, что позволяет поддерживать имеющуюся ударную мощь в постоянной боевой готовности. На вооружении указанных трех подводных лодок находятся 48 БРПЛ типа М51 с дальностью стрельбы 8 тыс. км. Каждая из них оснащена шестью ядерными боевыми блоками мощностью по 100 килотонн. С 2025 г. они начнут заменяться новой версией М51 с боеголовками мощностью до 300 килотонн и с большей точностью наведения. В 2030 г. на вооружение должна быть принята первая атомная подводная лодка третьего поколения, полностью вооруженная такими ракетами [Baille, 2019, p. 62–72].

Военно-воздушная компонента включает в себя 52 самолета «Mirage 2000 N» и «Rafale B», оснащенных крылатыми ракетами «воздух–земля» ASMPA с дальностью стрельбы до 500 км. При этом некоторое количество самолетов «Rafale B» базируется на авианосце «Шарль де Голль», что позволяет значительно увеличить радиус действия данных ракет. Самолеты «Mirage 2000 N» начали заменяться на «Rafale B» с 2018 г., а с 2020 г. эти последние будут вооружаться модернизированной версией ракет ASMPA (ASMPA-A). С 2035 г. самолеты-носители предполагается оснащать крылатыми ракетами нового поколения ASN4 G. В 2018–2019 гг. ВВС Франции приняли на вооружение первые два (из пятнадцати запланированных) новых самолета-заправщика «A330 MRT Phénix» производства европейского концерна «Airbus», которые должны до конца 2025 г. заменить старые заправщики C135-FR и KC-135 R, купленные у американской компании «Боинг», что также существенно расширит боевые возможности стратегической авиации страны. В совокупности до 2025 г. Франция намеревается истратить на новые вооружения 35 млрд евро [La coûteuse., 2018]. Будет нелишним отметить, что весь военный бюджет Франции в 2018 г. составлял 34,2 млрд евро (хотя к 2026 г. он должен вырасти до 50 млрд евро (2% ВВП страны)) [Laurent, 2018]. Но даже при запланированном росте военных расходов выделение достаточных ассигнований на поддержание в боеспособном состоянии ракетно-ядерного потенциала страны представляется весьма проблематичным.

Тем не менее в прошлом расходы Франции на ядерные вооружения были еще больше. При президенте Ш. де Голле, напри-

мер, они составляли около половины военного бюджета. Президент Ф. Миттеран сократил их после окончания холодной войны, но и тогда они превышали треть всех расходов на ВС [Mongin, 2019, р. 58–59]. В целом все президенты Пятой республики считали необходимыми модернизацию и поддержание в боевой готовности французского ядерного арсенала, оправдывая это его стратегической важностью. Главной задачей ядерных сил объявлялось сдерживание потенциального противника. Ф. Миттеран, Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд неоднократно высказывались на сей счет, последовательно отменяя критику со стороны пацифистов и сторонников ядерного разоружения. Э. Макрон также не стал исключением из правила. Например, в январе 2018 г. в традиционном новогоднем выступлении главы государства с поздравлениями вооруженных сил он указал: «На протяжении 50 лет сдерживание является ключевым элементом нашей оборонной стратегии. Я знаю, что оно является предметом постоянной дискуссии. Однако этот вопрос решен. Сдерживание является частью нашей истории, нашей стратегии, и оно останется таким и впредь. В современном мире, который, можно в этом не сомневаться, и дальше будет ядерным, наша модель сдерживания, основанная на критерии строгой достаточности, сохранит свою адекватность, я в этом уверен» [Discours du Président., 2018].

Со времени Ш. де Голля руководители и военные стратеги Франции подчеркивают, что речь идет о сдерживании «сильного слабым», поскольку у страны никогда не было возможности иметь столь же значительный ядерный арсенал, как у США или СССР (или его правопреемницы России). Но, как они заявляют, силы ядерного сдерживания должны быть достаточными, чтобы гарантированно нанести неприемлемый ущерб более сильному государству. Ш. де Голль, как известно, был кадровым военным; кроме того, он был главой французского государства в тот период, когда еще не существовало понятия политкорректности. Поэтому он мог себе позволить изложить суть ядерного сдерживания следующим образом: «Сдерживание начинается с того момента, когда возникает возможность убить на территории государства-агрессора достаточное количество людей, чтобы у него появилось убеждение в

том, что игра не стоит свеч. Когда у нас есть уверенность, что мы способны уничтожить на территории агрессора 30–40 млн человек, можно быть уверенным, что на нас не нападут» [Peyrefitte, 2002, р. 350].

В дальнейшем президенты Франции предпочитали высказываться по данному вопросу менее определенно. Они подчеркивали, что первоочередными целями французских ядерных сил должны быть военные объекты и инфраструктура, но вместе с тем избегали заверений, что удары не будут наноситься по городам, т.е. по гражданскому населению. Весьма туманно формулируется также критерий для применения ядерного оружия. В этой связи стоит процитировать выступление Ф. Олланда на базе BBC Франции в коммуне Истр в феврале 2015 г.: «Ядерное сдерживание направлено на то, чтобы защитить нашу страну от любого посягательства государственного характера на наши жизненные интересы, независимо от того, откуда и какой форме оно осуществляется. Сдерживание – это то, что позволяет нам сохранить свободу действий и свободу принятия решений при любых обстоятельствах. Именно оно дает нам возможность устранить любую угрозу шантажа государственного характера, которая могла бы нас парализовать. Силы сдерживания позволяют гарантировать, что наши международные обязательства будут всегда выполняться, хотя применение ядерного оружия мыслимо только в чрезвычайной ситуации законной самообороны» [Nucléaire., 2015].

Как видно из сказанного, в доктрине сдерживания во главу угла поставлен критерий защиты «жизненно важных интересов Франции», которые трактуются чрезвычайно широко, вплоть до необходимости обеспечить выполнение международных обязательств страны. По словам французского правоведа Н. Опэ, понятие «жизненных интересов» в данном случае является «юридически ничтожным», поскольку невозможно определить его содержание в каких-либо исчерпывающих терминах. Однако он оправдывает применение этого понятия тактическими соображениями. По его мнению, точное изложение условий, при которых возможно использование французского ядерного арсенала, было бы равносильно тому, чтобы раскрыть все случаи, когда потенциальный аг-

рессор сможет действовать, не опасаясь ядерного возмездия: «Неопределенность в вопросе о задействовании ядерного оружия является условием эффективности сдерживания» [Naupais, 2019, p. 17].

Как отмечалось выше, важным элементом французской доктрины ядерного сдерживания является «достаточность» национального ядерного арсенала; при этом было показано, как эволюционировала его структура. Менялось и число боеготовых ядерных зарядов, которыми располагали ВС Франции. По заявлению президента Ф. Миттерана, в 1994 г. на вооружении имелось 500 боеголовок. В 2008 г. Н. Саркози упомянул 348 боеголовок, но в 2011 г. их число было сокращено, по его указанию, до «строгой достаточности» – 300 боеголовок. Считается, что с тех пор это число остается неизменным. Ф. Олланд и Э. Макрон неоднократно подчеркивали соблюдение Францией критерия «строгой достаточности». Сторонники ядерного разоружения во Франции критикуют эти расчеты, спрашивая, почему для «строгой достаточности» необходимо 300 боеголовок, а не, к примеру, 250 [Quilès, Colin, Drain, 2018, p. 42]. Остается предположить, что с учетом ограничений, налагаемых на США и Россию договором СНВ-III, а также качественного улучшения французских ядерных сил, генеральный штаб ВС Франции рассчитывает, что 300 боеголовок будет достаточно для получения потенциального эффекта, о котором говорил Ш. де Голль.

Еще один элемент французской доктрины сдерживания – «предупреждение» потенциального агрессора в случае явной угрозы с его стороны. По словам бывшего начальника генерального штаба ВС Франции генерала А. Бентежа, в данном случае речь идет об авиационном ядерном ударе слабой мощности «по пустынной местности» угрожающего государства, не вызывающем разрушений и жертв, или электромагнитном импульсе, парализующем инфраструктуру и военные объекты, чтобы показать готовность перейти к следующему этапу – нанесению массированного ядерного удара. Подводные лодки не могут применяться в целях «предупреждения» из-за риска выдать противнику свое местоположение «раньше критического момента» [Ibid., p. 46].

Таким образом, основными элементами французской доктрины ядерного сдерживания являются «защита слабого от сильно-

го», «неприемлемый ущерб» для противника, «строгая достаточность» ядерного арсенала и «предупреждение» агрессора. Условием осуществления доктрины является полная самостоятельность Франции в принятии соответствующих решений, а также техническая «самодостаточность»: прежде всего имеется в виду исключительная национальная компетенция в вопросах обладания ядерным оружием, контроля над ним, а также в принятии решения о его применении. В организационно-институциональном плане решающая роль в данном случае принадлежит президенту страны. В соответствии со ст. 15 Конституции страны президент является главнокомандующим ее вооруженными силами. Ш. де Голль конкретизировал эту статью в отношении ядерных сил, закрепив за президентом исключительное право отдать приказ о нанесении ядерного удара. Более того, согласно французской правоприменительной практике, решения президента, касающиеся ядерного арсенала, не могут быть оспорены каким-либо другим органом. Например, в сентябре 1995 г. Государственный совет Франции – высшая инстанция в области административного права – признал себя некомпетентным в вопросе о правомерности принятия Ж. Шираком решения о возобновлении Францией ядерных испытаний [Naupaïs, 2019, p. 24]. Другие государственные структуры, имеющие отношение к вопросам обороны, призваны при любых обстоятельствах лишь обеспечить президенту средства для сдерживания.

Техническая «самодостаточность» означает, что Франция не должна ни от кого зависеть в разработке, производстве, испытаниях и модернизации своего ядерного оружия. Эта задача возложена прежде всего на КАЭ. Однако некоторые французские эксперты отмечают, что в современных условиях, при постоянном возрастании роли международной кооперации в мировой экономике соблюдать этот принцип при недостатке собственных ресурсов становится все сложнее. К примеру, уже упоминавшиеся крылатые ядерные ракеты ASMPA, которыми оснащены французские самолеты стратегической авиации, производятся концерном MBDA с участием британского и итальянского капитала. После прекращения ядерных испытаний и перехода к тестированию ядерных заря-

дов на лазерных симуляторах Франция была вынуждена закупить соответствующее оборудование в США. В 2010 г. Франция заключила соглашение с Великобританией (соглашение «Ланкастер Хаус»), предусматривающее совместное создание во французском ядерном центре «Вальдьюк» установки по тестированию ядерных боеголовок и установку «соответствующего оборудования» [Quilès, Colin, Drain, 2018, p. 51].

В политическом плане исключительная национальная компетенция Франции в вопросах ядерного арсенала порождает определенные сложности в связи с ее обязательствами, налагаемыми членством в НАТО. В принципе, как заявляли, например, Н. Саркози и Ф. Олланд, французские ядерные силы могут рассматриваться как часть общих сил ядерного сдерживания Альянса. Об этом сказано и в Стратегической концепции НАТО (2010). Однако, хотя Н. Саркози в 2009 г. вернул Францию в интегрированное военное командование Альянса (откуда ее вывел Ш. де Голь в 1966 г.), она не вошла в Группу ядерного планирования НАТО. Таким образом, Франция по-прежнему оставляет решение о применении своего ядерного оружия за собой. Как отмечает Н. Опэ, «в соответствии со Стратегической концепцией НАТО Франция может, конечно, ввести в действие свои силы сдерживания, чтобы противостоять вооруженному нападению на членов Альянса. Однако только она сама будет определять целесообразность такого шага» [Naupais, 2019, p. 26].

Иначе говоря, несмотря на отмеченные выше трудности финансового и технического характера, Франция будет и дальше стремиться сохранить максимальную самостоятельность в распоряжении своим ядерным арсеналом. Сегодняшние противоречия в НАТО, проиллюстрированные известными высказываниями Э. Макрона по поводу «смерти мозга» НАТО, его призывы к созданию «европейской армии», в которой – после выхода Великобритании из ЕС – только Франция будет обладать силами ядерного сдерживания, лишь усиливают эту тенденцию.

Франция и проблема нераспространения ядерного оружия

Неизменность позиции Франции по вопросу применения своего ядерного арсенала контрастирует со значительным изменением ее подхода к нераспространению ЯО. В этом процессе можно выделить три этапа.

Длительное время главным приоритетом для Франции была разработка собственного ядерного оружия и наращивание числа ядерных зарядов и носителей для достижения «достаточности» в плане сдерживания. Этим предопределялось ее враждебное отношение ко всем попыткам США, СССР и поддерживавших их государств ввести какие-то ограничения в ядерной сфере. Такие ограничения и тем более призывы продвигаться к созданию режима нераспространения рассматривались Францией как дискриминация ядерными «грандами» всех остальных кандидатов на вступление в «ядерный клуб» с целью сохранения за собой монопольного положения. Франция отвергла, например, инициативу СССР, США и Великобритании воздержаться от испытаний ядерного оружия (1958–1961). Не захотела Франция и присоединиться к Московскому договору о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963). Официальный Париж не участвовал в подписании Договора о нераспространении ядерного оружия (1968). Как отмечают некоторые французские эксперты, во властных кругах страны существовало довольно влиятельное течение, участники которого полагали, что дальнейшее распространение ЯО позволило бы «растворить» преобладающее ядерное превосходство двух сверхдержав [Laval, 2019, p. 88].

Вместе с тем Франция, запустившая свой первый ядерный реактор в 1956 г., не желала отказываться от «свободного» международного сотрудничества в области атомной энергетики, которое приносило ей значительные финансовые доходы, а также позволяло совершенствовать технико-технологическую базу и поднимало ее «державный» престиж. В 1950–1970-е годы Пятая республика активно поставляла оборудование для АЭС и обогащенный уран Индии, Ираку, Ирану, Израилю, Пакистану и Южной Корее. Официальный Париж не отказывался от сотрудничества в ядерной сфере с бывшими противниками по Второй мировой войне, несмотря на

весьма негативное отношение к этому общественному мнению страны. В 1958 г. министры обороны Франции, Германии и Италии подписали секретное соглашение о совместном финансировании строительства завода по разделению изотопов, который начал функционировать в 1965 г. Учитывая достаточно жесткую позицию США по вопросу о нераспространении ядерного оружия, руководство трех стран даже пыталось скрыть это соглашение от Белого дома [Jurgensen, Mongin, 2018, p. 197]. Официальный Париж также стремился избежать контроля со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) за своей деятельностью в сфере ядерного сотрудничества.

Однако после избрания в 1974 г. президентом страны В. Жискара д'Эстена начался этап, который французские эксперты характеризуют с использованием термина «двойственность». С одной стороны, Франция, по-прежнему старалась не связывать себя формальными обязательствами, ограничивающими ее суверенитет в ядерных делах. С другой стороны, она прекратила строительство атомного реактора в Пакистане после того, как правительство этой страны отказалось подтвердить, что не будет использовать его для производства обогащенного урана или оружейного плутония. Одновременно официальный Париж начал сворачивать сотрудничество с Ираном в сфере атомной энергетики, отказавшись, в частности, от ряда контрактов на поставки в Иран оборудования для АЭС. В 1975 г. Франция приняла участие в переговорах в Лондоне для выработки списка ядерных материалов и оборудования, которые не должны продаваться в страны, не согласившиеся на контроль со стороны МАГАТЭ. В том же году она согласилась на контроль МАГАТЭ в отношении собственной ядерной деятельности.

Большинство французских экспертов считают, что причиной данного «поворота» стал проведенный Индией в 1974 г. взрыв ее первой атомной бомбы, показавший, что опасность распространения ЯО в развивающемся мире вполне реальна. Чуть позже появились также сообщения об успехах в разработке ядерного оружия в Израиле. Некоторые специалисты, однако, объясняют «поворот» тем, что к тому времени во Франции сложилось убеждение в том, что «растворить» превосходство ядерных сверхдержав путем даль-

нейшего распространения ЯО уже нереально. Сколько бы ни было государств, обладающих ЯО, подавляющий перевес ядерных арсеналов сверхдержав сохранялся. Сыграло свою роль и давление со стороны США, которые уделяли большое внимание нераспространению. Кроме того, Франция уверенно продвигалась по пути наращивания собственного арсенала для достижения его «достаточности». Росли также ее запасы обогащенного урана и оружейного плутония. Еще более важным было то, что, согласно Договору о нераспространении ядерного оружия (1968), Франция вошла в «пятерку» ядерных держав, официально признанных ООН, а значит, могла больше не опасаться «дискриминации» в отношении владения этим оружием [Laval, 2019, p. 90].

Франция начала постепенно менять свое отношение к международным соглашениям, накладывающим ограничения на испытания ядерного оружия. В 1980 г. она объявила, что будет де-факто соблюдать Московский договор (1963) о запрещении испытаний в атмосфере, космосе и под водой, однако продолжала проводить подземные ядерные взрывы [Mongin, 2018, p. 197]. В частности, в 1995 г., при президенте Ж. Шираке, Франция осуществила серию взрывов на атоллах Муруроа и Фангатауфа, несмотря на осуждение со стороны международного сообщества. Но в 1996 г. она приняла участие в подписании Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ратифицировала его в 1998 г. Отныне французское ядерное оружие тестировалось только на симуляторах. Более того, в дальнейшем Франция демонтировала свой Центр ядерных испытаний в Полинезии, а затем прекратила производство оружейного плутония. Запасы его, видимо, были сочтены «достаточными».

Как уже было сказано, Франция не принимала участия в подписании Договора о нераспространении ядерного оружия (1968), однако чуть позже заявила, что будет соблюдать его «дух» [Laval, 2019, p. 91]. Реальные подвижки в этом плане начались уже в 1970-е годы. Но настоящий «перелом» наступил в конце 1980 – начале 1990-х годов, когда закончилась холодная война, а затем распался Советский Союз. Президент Ф. Миттеран воспользовался «дивидендами мира», ограничив расходы на оборону, в том числе

на ядерное оружие. Он сократил число ядерных боеголовок, несмотря на недовольство военных кругов и военно-промышленного комплекса [Mongin, 2018, p. 22]. Объективно это принуждало Францию еще активней поддерживать идеи нераспространения, чтобы не допустить появления новых ядерных соперников, которые могли бы сравняться с ней по мощи ядерного арсенала и тем самым «обесценить» ее статус ядерной державы. Иначе говоря, она сама оказалась перед перспективой «ядерного растворения». Такая опасность стала еще более очевидной по окончании первого вторжения США и их союзников в Ирак в 1991 г., когда было установлено, что иракский режим уже далеко продвинулся в осуществлении своей атомной программы. Кроме того, после распада СССР фактическими обладателями ЯО стали наряду с Россией Белоруссия, Казахстан и Украина.

Все это побудило Францию ратифицировать в 1992 г. Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1995 г. на Конференции по разоружению в Женеве Франция выступила одним из инициаторов придания ему бессрочного характера. Тем самым подход Пятой республики к нераспространению ЯО окончательно изменился, и начался новый этап, который длится до сих пор.

Франция активно содействовала отказу Южно-Африканской республики от имевшегося у нее ядерного оружия в 1993 г. Наряду с Китаем Франция в 1994 г. выступила гарантом Будапештского меморандума (который, как известно, был подписан помимо этих двух государств США и Великобританией) о передаче Украиной оставшегося на ее территории ядерного оружия России, а также аналогичных документов, подписанных с Белоруссией и Казахстаном. Франция поощряла усиление международного давления на Северную Корею, которая не только организовала собственное производство ядерных материалов, но также помогала его развитию в Ираке, Иране, Ливии, Сирии. В 1992 г. Франция ратифицировала протоколы к договору Тлателолко (1967) о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, а в 1996 г. – протоколы к аналогичным договорам Раротонга (южная часть Тихого океана, 1985) и Пелиндаба (Африка, 1996). К настоящему времени, как считают французские эксперты, Франция под-

писала больше всех протоколов к соглашениям с безъядерными государствами, направленным на предупреждение распространения ЯО [Laval, 2019, p. 95].

Стоит отметить, что при Ф. Миттеране во французском МИДе появилось немало дипломатов – сторонников Социалистической партии, выступавших за нераспространение, которые считали, что активное участие Франции в этом процессе позволит ей, помимо прочего, избежать «новой дискриминации», поскольку, по их мнению, теперь в этой области «тон» все больше задавали США, оставшиеся единственной сверхдержавой. Ратуя за нераспространение ЯО, Франция получала возможность повысить свой авторитет и свое влияние на международной арене. Во французской дипломатии возникло целое направление, связанное с политикой нераспространения, включившее в себя помимо «классических мидовцев» гражданских и военных специалистов, занимающихся ядерной проблематикой. Франция все чаще предлагала свои услуги МАГАТЭ для проведения международных инспекций в рамках контроля за соблюдением режима нераспространения, активно участвовала в деятельности различных инстанций и форумов ООН по указанной проблематике [Rouppeneau, 2015, p. 226].

В дальнейшем вовлеченность Франции в поддержание режима нераспространения постоянно усиливалась, что временами приводило к трениям с США. Например, в 2002 г. Франция выразила обеспокоенность решением Дж. Буша-мл. вывести Соединенные Штаты из двустороннего Рамочного соглашения с КНДР, заключенного в 1994 г. по инициативе Б. Клинтона с целью недопустить разработку ядерного оружия в этой стране. По словам французского эксперта, бывшего секретаря Совета управляющих МАГАТЭ Ж. Ле Гелта, этот «односторонний, произвольный и самонадеянный» шаг Белого дома послужил для КНДР «прекрасным предлогом» для выхода из Договора по нераспространению 1968 г. и для возобновления работ по созданию ЯО [Le Guelte, 2015, p. 19].

Президенты Н. Саркози, Ф. Олланд и Э. Макрон продолжили политическую линию на поддержку режима нераспространения. В частности, Ф. Олланд в упомянутом выше выступлении на авиабазе в коммуне Истр в 2015 г. назвал распространение ЯО «одной

из самых больших опасностей, стоящих перед человечеством», и подчеркнул решимость Франции бороться с ней всеми доступными способами. Он также объявил, что Франция берет на себя обязательство не применять ядерное оружие против государств, подписавших Договор о нераспространении и соблюдающих его положения [Nucléaire., 2015]. Франция приняла активное участие в деятельности «Группы 5+1» (постоянные члены СБ ООН и Германия), работа которой позволила в 2015 г. заключить «ядерную сделку» с Ираном – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), направленный на предотвращение создания этой страной ядерного оружия. Здесь будет нелишним отметить, что из-за дополнительных запросов Парижа, ужесточающих требования к Ирану, «сделка» чуть не сорвалась.

Э. Макрон уже в первом своем выступлении в качестве президента перед французскими послами в 2017 г. подчеркнул: «Альтернативы режиму нераспространения не существует, и Франция будет решительно и твердо добиваться его осуществления» [Discours du Président., 2017].

Реализация Соглашения о всеобъемлющем плане действий с Ираном (подписано 15 июля 2015 г.) стала одним из главных приоритетов французской дипломатии. Закономерно, что Э. Макрон крайне негативно воспринял решение президента США Д. Трампа выйти из СВПД (реализовано 8 мая 2018 г.). Наряду с выходом США из Парижского соглашения по климату (2016, выход осуществлен 1 июня 2017 г.) это стало одним из очевидных проявлений «односторонности» политики Белого дома, которую Э. Макрон неоднократно критиковал. В ходе личных встреч с президентом США Э. Макрон предпринял несколько попыток урегулировать данные проблемы, но его усилия закончились неудачей. Тем не менее он продолжал искать способы разрешения кризиса и пригласил министра иностранных дел Ирана М. Джавада Зарифа на ежегодную встречу «большой семерки» в Биаррице в августе 2019 г., чтобы организовать его встречу с Д. Трампом. Э. Макрон попытался также устроить беседу между Д. Трампом и президентом Ирана Х. Рухани в сентябре 2019 г. в Нью-Йорке, на полях Генеральной Ассамблеи ООН, но из этого вновь ничего не получилось. Одной из по-

следних инициатив Э. Макрона в рамках ЕС, выдвинутой в октябре 2019 г., стало предложение предоставить Ирану кредит в 15 млрд долл., чтобы хотя бы частично компенсировать его потери от снижения экспорта нефти в результате американских санкций и тем самым побудить Иран не отступать от положений СВПД [Perthes, 2019].

Таким образом, Франция за несколько десятилетий прошла путь от фактического поощрения распространения ядерного оружия к самой активной поддержке его нераспространения. Нынешняя нестабильность мирового порядка, объективно чреватая ослаблением режима нераспространения, «односторонность» внешней политики США, в том числе в отношении Ирана и КНДР, монополия на обладание ядерным оружием в ЕС лишь укрепляют ее решимость бороться за соблюдение режима нераспространения.

Подходы во Франции к вопросу о запрещении ядерного оружия

Президенты Пятой республики иногда допускали возможность ядерного разоружения Франции, но обуславливали его первоочередным уничтожением ядерных арсеналов других держав, в первую очередь США и СССР. Ф. Миттеран увязывал ядерное разоружение еще и с жесткими ограничениями неядерных сил. Практически все французские эксперты считают эти высказывания чисто теоретическими допущениями. Автор этих строк убежден, что ни один президент Франции не верил в ядерное разоружение и не был намерен отказываться от ядерного оружия, а отмеченная риторика объяснялась лишь необходимостью реагировать на требования сторонников разоружения внутри страны и за ее пределами, а также поддерживать миролюбивый имидж. Классический пример такого подхода содержится в уже цитировавшемся выступлении Ф. Олланда на авиабазе в коммуне Истр (2015). В целом оно было посвящено модернизации и укреплению ядерных сил сдерживания, которое было представлено как абсолютный императив, диктуемый прежде всего тревожной международной ситуацией. В то же время Ф. Олланд отметил желательность ядерного разоружения, но только «когда для этого созреет стратегический кон-

текст». Разоружение не может быть «ни заклинанием, ни призывом, а государство, которое требует его, должно начать с себя» [Nucléaire., 2015].

Приведенные выше высказывания Э. Макрона также показывают, что нынешний президент Франции не рассматривает ядерное разоружение как реальную перспективу. Его администрация продолжает наращивать военные расходы, в том числе на ядерную компоненту. Французские ядерные силы модернизируются, а доктрина ядерного сдерживания остается краеугольным камнем оборонной стратегии страны.

В то же время во Франции на уровне общественных движений и экспертного сообщества на протяжении десятилетий ведется ожесточенная дискуссия между сторонниками и противниками ядерного разоружения. Новый импульс активности сторонников разоружения придало одобрение Генеральной Ассамблеей ООН 7 июля 2017 г. Договора о запрещении ядерного оружия. Как известно, за него проголосовали 122 государства, одно государство (Сингапур) воздержалось, еще одно (Нидерланды) проголосовало против. Остальные, в том числе все имеющиеся сегодня девять ядерных государств – пять постоянных членов СБ ООН, а также КНДР, Израиль, Индия, Пакистан, – не приняли участия в голосовании. Стоит напомнить, что большую роль в продвижении этого договора сыграла общественная организация Международная кампания за уничтожение ядерного оружия (ICAN), созданная в 2007 г. Ее ответвление, «Движение за мир», появилось во Франции 2009 г. и сразу заняло видное место среди других НПО страны. «Движение за мир» поддержали не только известные борцы за мир, ряд экспертов, но также некоторые политические деятели, как, например, П. Килес, занимавший различные посты при Ф. Миттеране, в частности пост министра обороны.

Аргументы французских сторонников ядерного разоружения в самом общем виде сводятся к следующему: ядерное оружие неприемлемо с гуманистической точки зрения, поскольку является оружием массового уничтожения, т.е. средством уничтожения гражданского населения; в этом смысле оно противоречит принципам гуманитарного права и поэтому является незаконным; кроме того,

это оружие нелегитимно в общеправовом отношении, так как в 2017 г. подавляющее большинство государств – членов ООН поддержало Договор о его запрещении; в юридическом плане также существует обязанность государств стремиться к ядерному разоружению, вытекающая из преамбулы и ст. VI Договора о нераспространении (1968), в которых ядерное разоружение представлено как общая задача для всех государств, включая те, которые не присоединились к данному договору или вышли из него. Ядерное оружие с момента своего появления стало угрозой для всего человечества, но особенно – для государств, не обладающих им, поэтому возникает опасность его распространения, и запрещение ядерного оружия позволит решить эту проблему раз и навсегда; в условиях нынешней международной напряженности, разрушения системы международных договоров, обеспечивающих стратегическую стабильность, возрастает риск несанкционированного применения ядерного оружия и всеобщей ядерной катастрофы; к аналогичному результату может привести кибератака, в частности, со стороны террористов, направленная на провоцирование сбоя в компьютерах ракетно-ядерных систем; при миниатюризации ядерных зарядов появляется опасность попадания их в руки террористов [Collin, 2019; Quilès, Colin, Drain, 2018, p. 73–139].

Противники ядерного разоружения, которых особенно много среди военных и дипломатов, настаивают на том, что именно наличие ядерного оружия у великих держав предотвращает войны между ними («равновесие страха»), которые, как уже было в прошлом, могли бы превратиться в мировые. По своей природе это «оружие, которое создается не для применения». Ядерное разоружение, напротив, подорвет сдерживание и сделает мир менее безопасным. Ядерные арсеналы США, Франции и Великобритании укрепляют и дисциплинируют НАТО, в то время как их отсутствие, скорее всего, рано или поздно может привести к ослаблению единства Альянса. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. опасен тем, что порождает иллюзию возможности разоружения, в то время как тревожная международная обстановка, напротив, требует укрепления ядерной мощи западных держав; к тому же этот договор недостаточно репрезентативен, поскольку поддержавшие его

122 государства представляют лишь 39% населения Земли и 20% мирового ВВП; ядерные державы просто игнорируют этот договор и не считают себя хоть в малейшей степени связанными его положениями. Наконец, в ядерных государствах большинство населения поддерживает принцип ядерного сдерживания: во Франции, например, число его сторонников в 2017 г. составляло 74% [Vilmer, 2019] (следует, однако, отметить, что данные этого опроса, заказанного Министерством обороны, опровергаются результатами другого исследования общественного мнения, заказанного в 2018 г. «Движением за мир»: согласно ему, 67% французов хотели бы, чтобы Франция ратифицировала указанный договор [Mielcarek, 2018]).

Стоит подчеркнуть, что противники ядерного разоружения особо акцентируют его невозможность в контексте «возросшей агрессивности» России и Китая, а также выхода США и России из Договора о ракетах средней и малой дальности 1987 г. (ДРСМД). Причем если некоторые эксперты из академической среды ограничиваются лишь констатацией того, что США и Россия обвиняют друг друга в нарушениях данного договора [Aloupi, 2019, p. 114], то военные и дипломаты безоговорочно поддерживают американскую позицию: «виновата Россия». Одновременно они обосновывают необходимость усиления французских сил сдерживания тезисом о том, что РФ «аннексировала Крым» и «разожгла конфликт на Украине» [Vilmer, 2019, p. 190].

* * *

Независимо от спора между сторонниками и противниками ядерного разоружения французское государство считает обладание ядерным оружием важнейшим фактором безопасности, международного влияния и престижа страны. Соответственно, развитие ядерного потенциала следует рассматривать в качестве одной из ключевых задач политики Франции в области обеспечения своей безопасности и обороны на долгосрочную перспективу. В свою очередь, тематика контроля над ракетно-ядерными вооружениями по-прежнему останется одним из приоритетных направлений внешней политики официального Парижа.

Литература

Aloupi N. La position des états nucléaires face à la prolifération // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 101–115.

Baille M.-L. L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 61–79.

Collin J.-M. La marche en avant du désarmement nucléaire // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 153–173.

Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs / Palais de l'Élysée. – P., 2017. – 29.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs> (Date of access – 08.02.2020).

Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, vœux aux Armées / Institut des hautes études de défense nationale. – P., 2018. – 19.01. – Mode of access: <https://www.ihedn.fr/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-voeux-aux-armees> (Date of access – 08.02.2020).

Haupais N. La dissuasion française entre force et droit // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 13–45.

Jurgensen C., Mongin D. Résistance et dissuasion: Des origines du programme nucléaire français à nos jours. – P.: Éditions Odile Jacob, 2018. – 396 p.

La coûteuse modernisation de la dissuasion nucléaire // Le Point. – P., 2018. – 21.06. – Mode of access: https://www.lepoint.fr/societe/la-couteuse-modernisation-de-la-dissuasion-nucleaire-21-06-2018-2229213_23.php (Date of access – 08.02.2020).

Laurent C. Feu vert du Sénat au budget des armées pour 2019–2025 // La Croix. – P., 2018. – 29.05. – Mode of access: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Feu-vert-Senat-budget-armees-2019-2025-2018-05-29-1200942793> (Date of access – 08.02.2020).

Laval P. La France et la non-prolifération // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 83–99.

Le Guelte G. Les enjeux de la prolifération nucléaire // Revue défense nationale. – P., 2015. – P. 17–23.

Mielcarek R. Sondage sur la dissuasion nucléaire: Un résultat ambivalent // Guerres influences. – P., 2018. – 05.06. – Mode of access: <http://www.guerres-influences.com/sondage-sur-la-dissuasion-nucleaire-un-resultat-ambivalent/> (Date of access – 08.02.2020).

Mongin D. Dissuasion et simulation. – P.: Éditions Odile Jacob, 2018. – 312 p.

Mongin D. L'arme nucléaire de la France: Perspectives historiques // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 49–60.

Nucléaire: Discours de M. François Hollande à Istres / Mission permanente de la France. – P., 2015. – 19.02. – Mode of access: <https://cd-geneve.delegfrance.org/Nucleaire-discours-de-M-Francois> (Date of access – 08.02.2020).

Perthes V. The US and Iran are playing a dangerous game // Project Syndicate. – Berlin, 2019. – 01.10. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-iran-increasingly-dangerous-game-by-volker-perthes-2019-10> (Date of access – 08.02.2020).

Peyrefitte A. C'était de Gaulle. – P.: Éditions Gallimard, 2002. – 472 p.

Pouponneau F. La politique française de non-prolifération nucléaire: De la division du travail diplomatique. – Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2015. – 256 p.

Quilès P., Colin J.-M., Drain M. L'illusion nucléaire: La face cachée de la bombe atomique. – P.: Éditions Charles Léopold Mayer, 2018. – 174 p.

Vilmer J.-B. Interdire les armes nucléaires: Une fausse bonne idée // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – P.: CNRS Éditions, 2019. – P. 175–204.

DOI: 10.31249/ape/2020.03.05

Chernega V.N.¹, 2020

France's nuclear arsenal and french approaches to the non-proliferation and prohibition of nuclear weapons

Abstract. *The article considers main parameters of the French nuclear arsenal, the features of the doctrine of nuclear deterrence, as well as the approaches of the country's leaders, experts and social movements towards the problems of non-proliferation and prohibition of nuclear weapons. It is noted that all presidents of the Fifth Republic perceived the possession of such weapons as the most important factor of the security, international influence and*

¹ *Chernega Vladimir Nikolaevich* – Sc.D. in Law, Leading Researcher, INION RAN (vladimir.tchernega@free.fr).

prestige of France and paid great attention to the timely modernization of the nuclear arsenal. The latter was always presented as a means of «protecting the weak from the strong» and as a tool to deter a potential aggressor from attack. Nevertheless, the doctrine of nuclear deterrence was based on the criteria of protecting «vital interests» of France, interpreted extremely broadly, right up to ensure the fulfillment of its international obligations. The crucial elements of this doctrine were also exclusive national competence in the use of nuclear forces as well as «technical self-sufficiency» in production and modernization of nuclear weapons.

These aspects of the policy of France in the military-nuclear field remain unchanged, but its approach towards non-proliferation has undergone radical changes from the 1950 s. From a country that de facto facilitated the advancement of a number of states to the creation of nuclear weapons, it turned into the toughest defender of the non-proliferation regime. Finally, the whole trend specializing in these issues developed within the French diplomacy. Although at present France only theoretically admits the possibility of nuclear disarmament, nevertheless, there is a very active socio-political movement in support of it. The article highlights the discussion between proponents and opponents of nuclear disarmament.

Keywords: *France, nuclear arsenal, doctrine of deterrence, exclusive national competence, non-proliferation of nuclear weapons, nuclear disarmament.*

References

- Aloupi N. (2019). La position des états nucléaires face à la prolifération // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 101–115.
- Baille M.-L. (2019). L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 61–79.
- Collin J.-M. (2019). La marche en avant du désarmement nucléaire // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 153–173.
- Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. (2017) / Palais de l'Élysée. – Paris. – 29.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs> (Date of access – 08.02.2020).

Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, vœux aux Armées. (2018) / Institut des hautes études de défense nationale. – Paris. – 19.01. – Mode of access: <https://www.ihedn.fr/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-voeux-aux-armees> (Date of access – 08.02.2020).

Haupais N. (2019). La dissuasion française entre force et droit // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 13–45.

Jurgensen C., Mongin D. (2018). Résistance et dissuasion: Des origines du programme nucléaire français à nos jours. – Paris: Éditions Odile Jacob. – 396 p.

La coûteuse modernisation de la dissuasion nucléaire. (2018) // Le Point. – Paris. – 21.06. – Mode of access: https://www.lepoint.fr/societe/la-couteuse-modernisation-de-la-dissuasion-nucleaire-21-06-2018-2229213_23.php (Date of access – 08.02.2020).

Laurent C. (2018). Feu vert du Sénat au budget des armées pour 2019–2025 // La Croix. – Paris. – 29.05. – Mode of access: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Feu-vert-Senat-budget-armees-2019-2025-2018-05-29-1200942793> (Date of access – 08.02.2020).

Laval P. (2019). La France et la non-prolifération // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 83–99.

Le Guelte G. (2015). Les enjeux de la prolifération nucléaire // Revue défense nationale. – Paris. – P. 17–23.

Mielcarek R. (2018). Sondage sur la dissuasion nucléaire: Un résultat ambivalent // Guerres influences. – Paris. – 05.06. – Mode of access: <http://www.guerres-influences.com/sondage-sur-la-dissuasion-nucleaire-un-resultat-ambivalent/> (Date of access – 08.02.2020).

Mongin D. (2018). Dissuasion et simulation. – Paris: Éditions Odile Jacob. – 312 p.

Mongin D. (2019). L'arme nucléaire de la France: Perspectives historiques // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 49–60.

Nucléaire: Discours de M. François Hollande à Istres. (2015) / Mission permanente de la France. – Paris. – 19.02. – Mode of access: <https://cd-geneve.delegfrance.org/Nucleaire-discours-de-M-Francois> (Date of access – 08.02.2020).

Perthes V. (2019). The US and Iran are playing a dangerous game // Project Syndicate. – Berlin. – 01.10. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-iran-increasingly-dangerous-game-by-volker-perthes-2019-10> (Date of access – 08.02.2020).

Peyrefitte A. (2002). C'était de Gaulle. – P.: Éditions Gallimard. – 472 p.

Pouponneau F. (2015). La politique française de non-prolifération nucléaire: De la division du travail diplomatique. – Bruxelles: P.I.E. Peter Lang.– 256 p.

Quilès P., Colin J.-M., Drain M. (2018). L'illusion nucléaire: La face cachée de la bombe atomique. – Paris: Éditions Charles Léopold Mayer. – 174 p.

Vilmer J.-B. (2019). Interdire les armes nucléaires: Une fausse bonne idée // La France et l'arme nucléaire au XXIe siècle / N. Haupais (Dir.). – Paris: CNRS Éditions. – P. 175–204.